

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-2/240-252

Научная статья

© Э. Ф. Рязанова

В ПОИСКАХ СВОИХ МЕСТ: РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ МУСУЛЬМАН В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

В данной статье анализируется как городские пространства становятся местом досуговых практик, где мусульмане из разных этнокультурных групп конструируют повседневность и в значительной степени снижают межэтническое напряжение. Футбольное поле и детская площадка выступают как объединяющее пространство города, связывая иммигрантское сообщество и местных жителей. На примере городской среды анализируются повседневные активности, ценности и ритуалы, взаимодействие досуга с проявлением религиозной идентичности, а также экономические барьеры. Делается вывод о том, как мусульмане совмещают культурные и религиозные практики вне городских пространств, демонстрируя гибкость религиозной идентичности в контексте повседневного досуга. Полученные данные показывают, что пространство досуга становится площадкой для формирования доверия, взаимопомощи и интеграции в российское общество.

Ключевые слова: религиозная идентичность, досуг, мусульмане, иммигранты, пространство, Urban Ислам

Ссылка при цитировании: Рязанова Э. Ф. В поисках своих мест: религиозная идентичность и досуговые практики мусульман в городской среде (на примере Москвы) // Вестник антропологии. 2026. № 2. С. 240–252.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-2/240-252

Original article

© Elvina Ryzanovna

IN SEARCH OF THEIR PLACES: RELIGIOUS IDENTITY AND LEISURE PRACTICES OF MUSLIMS IN THE URBAN ENVIRONMENT (THE CASE OF MOSCOW)

This article analyzes how urban spaces become venues for leisure practices, where Muslims from different ethnocultural groups construct their everyday life and, to

Рязанова Эльвина Фаритовна — к. и. н., научный сотрудник Отдела Урала и Поволжья, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский просп., 32А). Эл. почта: elvinaryazanova@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1860-4163>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда по гранту № 25-28-01536 «Культура повседневности мусульман Москвы: пространства, сети и практики». <https://rscf.ru/project/25-28-01536/>

some extent, reduce interethnic tensions. A soccer field and a playground serve as unifying urban spaces, linking the immigrant community and local residents. The paper examines everyday activities, values, rituals, leisure interactions involving religious identities, as well as barriers in ordinary urban settings. It is concluded that Muslims combine cultural and religious practices outside of urban spaces, demonstrating the flexibility of religious identity in the context of everyday leisure. The findings demonstrate that leisure spaces provide a platform for building trust, mutual support, and mutual adaptation.

Keywords: *religious identity, leisure, Muslims, immigrants, space, urban Islam*

Author Info: **Ryazanova, Elvina F.** — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: elvinaryazanova@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1860-4163>

For citation: Ryazanova, E. F. 2026. In Search of Their Places: Religious Identity and Leisure Practices of Muslims in the Urban Environment (The Case of Moscow). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 240–252.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No 25-28-01536. <https://rscf.ru/project/25-28-01536/>

Введение

Настоящее исследование посвящено анализу особенностей формирования религиозной идентичности и досуговых практик у молодых мусульман-иммигрантов, проживающих в Москве. Мегалополисы выступают как сложные арены процессов социализации, самоидентификации и поиска своего места в современном обществе. В условиях городского пространства, которое, с одной стороны, открывает много возможностей для самореализации молодых людей, с другой же стороны, оно является средой, где нужно находить баланс между комфортным проживанием, повышением качества жизни и сохранением внутренних ценностей.

Согласно мнению российского историка Ф. Асадуллина (Асадуллин 2018: 44), на глазах современников происходит медленная, но одновременно и радикальная трансформация западного общества, характеризующаяся возникновением новой социально-коммуникативной и культурной парадигмы, в рамках которой многонациональное мусульманское сообщество, представленное арабами, турками, иранцами, сомалийцами, албанцами и другими, выступает в качестве одного из ключевых «промоутеров» преобразования городского европейского пространства. По мнению Ф. Асадуллина такое понятие как «евроислам» можно считать городским феноменом, который является неотъемлемой частью городской культуры, более того многие аспекты исламской идентичности проникли в бытие и ментальность жителей европейских городов в целом. Введенный в научный оборот Ф. Асадуллином термин «Urban Islam» (городской Ислам) позволяет более точно и научно рассматривать феномен Ислама в городском пространстве, через призму урбанистики, что интегрируется с современными направлениями исследований, именуемыми как «Urban Study» (Асадуллин 2018: 47). В этом контексте понятие «Urban Islam» становится полноценной категорией, отражающей московское мусульманское пространство и открывающей широкие горизонты для дальнейших исследований.

В настоящее время в Москве по заявлениям главного имама Московской соборной мечети Ильдара Аляутидинова проживает 3–3,5 млн мусульман, из них 2 млн — это жители города (этнические мусульмане, граждане РФ), остальные — приехавшие на заработки из стран СНГ (РИА Новости 2021). При этом численность мусульман постепенно увеличивается за счет прибывающих мигрантов, исповедующих ислам. Важно понимать, что в зависимости от того, где родились молодые мусульмане, у них будут совершенно разные как досуговые практики, так и религиозная идентичность. Более того, большинство российских этнических мусульман никаким образом не транслируют во внешний мир свою религиозную идентичность. В досуговых практиках и в повседневной жизни такие молодые люди придерживаются светского образа жизни, их занятия и увлечения подвержены современной моде. Но в данном исследовании я изучала досуговые практики молодых мусульман-иммигрантов и этнических мусульман, которые хоть как-то внешне выражают свою религиозную идентичность, носят платок и т. д., поскольку, как я предполагала, изучение этой категории людей дает возможность проанализировать и понять каким образом выстраивается их повседневность в Москве.

В российской историографии существует огромный пласт литературы, посвященный разным аспектам изучения мусульманского пространства. К примеру, Дмитрий Опарин исследует роль миграции в формировании локальных мусульманских пространств Москвы, где религиозные авторитеты-мигранты не просто встраиваются в мусульманские институции столичного региона, но формируют местные мусульманские пространства, создают свои организации, выстраивают свои иерархии и определяют религиозную повседневность прихожан (*Опарин 2022: 114*).

Однако, досуговые практики мусульман-иммигрантов изучены мало, более того автор проводил исследование в неформальной обстановке, где информанты делились сведениями о своей жизни и задачах, которые им приходится решать в мегаполисе. Объектом изучения досуговых практик я выбрала два места, которые меньше всего анализировались российскими исследователями: это детские площадки и стадион для занятий спортом.

Детские площадки как пространство досуговых практик женщин-мусульманок

Последние 6 лет я проводила много времени на детских площадках одного из жилых комплексов в Новой Москве, в поселении Внуковское. Жилому комплексу около 10–12 лет, то есть это новый микрорайон.

В современных городах повсеместно существуют детские пространства, они могут быть разных типов — от школьных стадионов до детских площадок. Специфика детских площадок состоит в том, что это общественные места, доступ в которые открыт максимально широкому кругу лиц, а значит, они могут создавать условия для межэтнических контактов, которые, в свою очередь, могут способствовать социальной интеграции мигрантов. Судя по имеющимся в научной литературе данным, роль детских площадок, в частности, и общественных мест в целом в интеграции мигрантов неоднозначна. С одной стороны, они способствуют преодолению негативных стереотипов и формированию новых социальных связей между мигрантами и немигрантами, а с другой сталкиваются на ограниченном пространстве людей, различающихся своими представлениями и убеждениями, порождают конфликты и порой

усиливают отрицательные установки мигрантов и местных жителей в отношении друг друга. Можно предположить, что влияние детской площадки на социальную интеграцию мигрантов сильно зависит от конкретных условий, однако исследований по данной проблеме на российском материале мало.

В статье представлен анализ части эмпирических данных, собранных в ходе моих полевых наблюдений с 2019 по 2025 г. В 2018 г. родился мой сын, и мы стали активным участником процесса социальной жизни на детской площадке. Эмпирическую базу исследования составляют 2400 часов, а то больше включенного наблюдения на детских площадках (2 часа в день, 20 дней в месяц и 5 лет) микрорайона Солнцево-парк, в том числе серия из 25 полуструктурированных интервью с информантами-женщинами, мигрантками и местными жителями, в возрасте от 20 до 45 лет. Среди женщин-мигранток, молодых мусульманок были приезжие из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии.

Отличительной частью этого жилого комплекса является, что он долгое время находился на периферии, рядом аэропортом Внуково, станция метро отрылась в 2023 г., то есть до этого времени многие квартиры покупались и сдавались в аренду, что позволило вырасти здесь трем крупным сообществам: это армянское, киргизское и узбекское.

Теперь об инфраструктуре детских площадок. Условно их можно разделить на дошкольные, где разные небольшие горки, песочницы, качели, и для школьников, с различными снарядами, какими-то лабиринтами. И конечно важно отметить тот факт, что детские площадки в Москве представляют из себя отличные пространства с необыкновенной архитектурой и инфраструктурой. Казалось бы, что дети дошкольного возраста должны ходить на площадку по своему возрасту, но этого не происходит. Потому что на ней уже сосредоточена жизнь матерей из иммигрантского сообщества. Как это все выглядит? Рядом с домом находится площадка, и на ней мы можем увидеть только детей мигрантов, причем это будут в большинстве киргизы. Есть армянские площадки, причем не сами армяне так называют место локации детей, это российские граждане между собой употребляют такое слово как «армянская». К примеру: «Ну тогда давай на армянской площадке увидимся» (ПМА 2024). Есть смешанные площадки, где в большинстве проводят время дети и родители разных этничностей и «около мусульманские», так как большинство детей на этих площадках киргизы и узбеки. Важно, конечно, проводить и демографический срез. Площадка 2019 г. и площадка 2024 г. отличаются по количеству детей невооруженным взглядом. На это влияют и миграционные процессы, и демографическая ситуация среди российских граждан.

Взаимодействие на детских площадках располагает к общению: мамы (реже папы или другие родственники) проводят на детских площадках довольно много времени, при этом у них есть общие интересы и темы для обсуждения, что создает основу для формирования социальных связей. Даже только что переехавшая из другого района, города или региона мама с высокой вероятностью в скором времени обзаводится новыми знакомствами с другими мамами. О приобретении знакомств в кругу местных родителей в данном районе рассказывали переехавшие в него как в советское, так и в постсоветское время из других московских районов или из других регионов.

Итак, начну свое повествование с песочницы: по моим наблюдениям проще детям играть на мультикультурной площадке, так как мамы-иммигрантки принимают мало активного участия в интеграцию детей в российское общество.

Когда ты находишься в условной песочнице, где играют «россияне и иммигранты», дети сами могут определить свои границы и ощутить, как себя вести, что можно делать и так далее. Это происходит до тех пор, пока не включается мама не иммигрантка, которая вмешивается в детский процесс, и начинается конфликт. Так во время интервью с российскими женщинами, я могла услышать фразу:

«Нет, мы не любим песочницы где приезжие, дети там невоспитанные, отбирают игрушки, не соблюдают правила поведения» (ПМА 2025).

Женщины-мигрантки редко отмечали негативное отношение со стороны местных жителей. И точно так же российские женщины редко говорили о дискомфорте, который возникает, когда они находятся на одной детской площадке, и о негативном отношении к ним со стороны иноэтничных мам. Однако, иногда психологический дискомфорт связан в первую очередь с нарушениями в коммуникации, с отсутствием общего языка общения. Женщины-мигрантки, живущие в Солнцево-парк и занимающиеся домашним хозяйством и детьми, действительно, судя по результатам наблюдения, иногда плохо говорят по-русски или совсем не знают русский язык, но на детской площадке они не одиноки, приходят туда с подругами. В основном, таджички — это жены мужчин, работающих на стройке или в курьерской доставке, в возрасте от 22 до 30 лет, у всех по три, редко два ребенка. Киргизки-домохозяйки работают в индустрии красоты: делают маникюр, наращивают ресницы, оказывают разного рода парикмахерские услуги. Узбечки, (было проведено интервью с 7 женщинами) чаще всего работают и предоставляют услуги клининга, сидят с детьми на площадках бабушки (мамы по материнской или отцовской линии), при этом одна бабушка может присматривать за детьми 3–4 семей. Отцы работают на стройке. Отличительной чертой 2023–2024 г., является то, что появляется больше женщин, носящих хиджаб, как правило это таджички. При наблюдении мной было замечено, что на детской площадке присутствуют оба родителя. Обычно мама совершенно не понимает русский язык, отец как-то пытается говорить на русском языке. Иногда отец-таджик активно играет и занимается с ребенком, вся коммуникация проходит на таджикском языке, мать в это время обособленно стоит в стороне.

В возрасте от 3 до 6 лет дети начинают посещать детский сад. На площадке устанавливаются социальные связи. Российские дети играют со своими одноклассниками из детского сада. Иммигранты также общаются с детьми из своего этнического сообщества.

Школьники 1–6 классов, которые не заняты в кружках и в свободное время после школы посещающие детские площадки, начинают общаться между собой активно. Скорее всего это связано с тем, что дети ходят в школу и могут являться одноклассниками. Более того, в этом возрасте дети из иммигрантских семей начинают говорить хорошо на русском языке.

Языковой барьер препятствует возможному взаимодействию с вновь прибывшими молодыми мигрантами-родителями, даже поверхностному, разговорам гуляющих на одной детской площадке родителей из числа местного населения и мигрантов. А отсутствие такого взаимодействия не дает возможности последним улучшить свои языковые компетенции. Более того, из-за отсутствия общего языка общения возникают непонимание и конфликты, когда люди воспринимают поведение представителей другой национальности как агрессивное.

Детские площадки в московских спальных районах — это те немногие общественные пространства, которые предполагают регулярное, частое и длительное нахождение

рядом друг с другом мигрантов и местных жителей, гуляющих с детьми. Специфика роли родителя диктует необходимость следить за ребенком и периодически проверять, где он находится и все ли в порядке, потому полностью «закрыться» от происходящего на площадке оказывается невозможно. Для части родителей, например, для внутренних мигрантов из числа «этнического большинства», детские площадки оказываются тем общественным пространством, которое способствует их интеграции. Для другой части «этнического меньшинства», особенно для плохо владеющих русским языком и носящих хиджаб, они превращаются в пространства сегрегации и зачастую конфликта. Таким образом, немодерируемые контакты мигрантов и немигрантов на детских площадках не приводят к позитивному взаимодействию и формированию социальных связей.

Когда я наблюдала за поведением на детских площадках за приезжими мамами, то для меня стало очевидным, что мамы придерживаются общения по этническому принципу: узбечки общаются с узбечками, киргизки с киргизками, исключение составляют женщины более взрослого поколения, молодость которых прошла во времена СССР. Они прекрасно входят в коммуникацию между собой и с бабушками-москвичками. Темой для их разговоров могут быть различные нарративы из эпохи Советского Союза, в том числе и ностальгия. Для примера приведу отрывок из интервью с женщиной 50 лет, гражданкой Узбекистана. Далее по тексту А-автор, И-информант.

А: «Расскажите про свою жизнь».

И: «Я сижу с внуками, их у меня 4. Мы живем вместе, я, дочка, ее муж, сын и невестка, все работают. Дети не посещают детский сад, я целый день с ними».

А: «Как проходит день у ваших детей?»

И: «Целыми днями на работе, света белого не видят».

А: «Есть какие-то увлечения хобби?»

И: «Нет, нет, это у нас в молодости были увлечения, жизнь была другая, а мои могут кино посмотреть, комедии в свободное время».

А: «А дети религиозные, вы празднуете религиозные праздники?»

И: «Да, в семейном кругу, в мечеть не ходим, только дома все, иногда из Подольска семья сестры моей приезжает, мы плов готовим, большой стол накрываем» (ПМА 2025).

Следующее интервью с молодой женщиной 32 лет из Кыргызской Республики. У информантки один сын, муж работает на скорой помощи фельдшером.

А: «Как Вы проводите свободное время?»

И: «Работаю фотографом, делаю сайты на заказ, обучаюсь все время, чтобы было больше клиентов».

А: «Сколько у вас детей?»

И: «Один ребенок, учится в 5 классе».

А: «А Вы религиозный человек?»

И: «Как сказать, скорее всего не очень» (ПМА 2025).

В этом отрывке мы видим, что девушка свободное досуговое время использует для получения новых навыков и знаний. При разговоре с информанткой было видно,

что она красиво и грамотно говорит на русском языке, увлечена воспитанием сына, много читает литературы.

Третий рассмотренный диалог, рассказывает о девушке, свободное время которой посвящено религиозным практикам. Информантке 27 лет, родом из Узбекистана, проживает в Москве 5 лет, носит хиджаб, трое детей, киргизка.

А: «Как вы проводите свободное время?»

И: «Читаю Коран, заучиваю молитвы, собираюсь с подругами, которым интересна религия».

А: «А как вы пришли к религии?»

И: «В Москве, долгое время было плохое настроение, сложно было, дети совсем маленькие, одиночество, по дому скучала сильно, постепенно начала читать Коран, общаться с девушками, кому религия тоже интересна».

А: «А ваш супруг религиозный человек?»

И: «Нет, не особо, он мусульманин, но намаз не читает» (ПМА 2025).

В ходе наблюдения стало очевидно, что социальный бэкграунд каждой приезжающей мусульманки-иммигрантки играет большую, а часто и решающую роль в успешности интеграции, чем собственно этническая или религиозная принадлежность. Образованные женщины-мусульманки, имевшие до переезда сформированные досуговые и профессиональные практики любого характера, переносят эти привычки в московскую повседневность. На детских площадках они могут читать книги, обсуждать свои увлечения, использовать время прогулки для саморазвития. Мегаполис не разрушает, а обогащает их прежние интересы, предоставляя доступ к лекциям, курсам, культурным событиям и профессиональным сообществам. В интервью с такими информантками (как киргизка-фотограф, делающая сайты) отчетливо видно, что их увлечения из прошлой жизни получают развитие и новую форму именно в Москве. Русский язык у них, как правило, хороший или отличный, а социальные контакты не замыкаются исключительно на этнической общине.

Если человек приезжает в Москву с плохим знанием русского языка, низким уровнем формального образования и без устойчивых светских досуговых практик, то вся его повседневная жизнь и общение вынужденно замыкаются на общине. Детская площадка в этом случае не становится пространством для культурного обмена или языковой практики, а превращается в территорию воспроизводства прежних паттернов поведения без их обогащения. Такие женщины не имеют ресурса на самообразование, их круг общения ограничен родственницами и соотечественницами, а хобби либо отсутствуют, либо сводятся к сугубо домашним или религиозным практикам, которые не требуют взаимодействия с городской средой и носителями русского языка. Более того, как отмечали некоторые местные жители, порой они не понимают поведения приезжих женщин. Имеется ввиду, когда они громко слушают музыку на родном языке, громко обсуждают между собой новости, грызут семечки и так далее. Такое поведение, нехарактерное для местных жителей может вызывать диссонанс и недовольство.

Таким образом, социальный капитал, привезенный с собой (образование, языковая компетенция, привычка к чтению и обучению), оказывается более важным фак-

тором интеграции, чем количество прожитых в Москве лет. Мегаполис действует как усилитель исходных навыков и умений человека. Имеется ввиду, что для «активных женщин», интересующихся образованием и саморазвитием он открывает новые возможности культурного обогащения и профессиональной реализации, а для «пассивных женщин» усугубляет изоляцию, даже если физически они находятся в том же самом жилом комплексе и на тех же детских площадках.

Футбольный стадион как пространство досуговых практик мусульман–мужчин

Футбольное поле в городских кварталах часто выступает не только ареной спортивной активности, но и пространством встреч людей различного происхождения. В ходе игры в футбол фиксируются повседневные практики: неформальные турниры, совместное времяпровождение и взаимная помощь в бытовых задачах. Эти процессы формируют досуг, где он перерастает в механизм социального взаимодействия, снижения стереотипов и расширения сетей поддержки. Для участников место выступает площадкой досуга, где можно свободно проводить время, особенно в условиях ограниченных финансовых возможностей. Важно отметить, что экономическая функция футбольного поля и связанные с ними инфраструктуры предоставляют доступ к физической активности тем, кто ограничен в средствах. Это способствует формированию физического благополучия и поддержке здоровья в условиях городской экономики.

Мое наблюдение заключалось в том, что вокруг поля есть беговые дорожки, я бегала по ним и следила за игрой. Иногда можно было встретить такую картину, что многие иммигранты играли футбол босиком. Когда я начинала спрашивать игроков или самих информантов, которые играли в футбол без обуви, то они отвечали, что так привыкли играть в футбол с детства или же их финансовые возможности не позволяют купить им спортивную обувь. Может показаться, что разговор о финансовых возможностях моих информантов носит отрицательные эмоции (грусть или сожаление), но в разговоре с молодыми людьми иммигрантами таких эмоций не наблюдалось. В их словах чувствовалась уверенность в том, что играть босиком в футбол это временная трудность, которую они вскоре решат. Молодые узбеки в возрасте от 22 до 34 лет (7 человек) работали на стройке (2), курьерами (3), официантами (2). Свободное время они проводили только на футбольном поле, остальное время было уделено трудовым будням. Религиозная идентичность данных информантов никак не проявлялась в открытом пространстве, с их слов, они являлись не практикующими мусульманами, но на главные мусульманские праздник Курбан Байрам и Ураза Байрам обязательно старались сходить в мечеть, если не получалось, то провести празднование этих праздников в кругу своих земляков. Кроме того, на поле было проведено интервью с российскими мусульманами, приведу отрывок. Информанту 29 лет, пилот гражданской авиации, лакец.

А: «Как проходит коммуникация игроков»?

И: «У нас есть общий чат, мы там списываемся с ребятами из Солнцево-Парк, еще свой чат есть, где только наши ребята из Дагестана».

А: «А в общем чате есть иммигранты»?

И: «Нет, нет их, они так приходят, не хватает если человек, заходят в команду, иногда бывает много людей, тогда мини турниры делаем по 30 минут играем».

А: «А в вашей группе все лакцы»?

И: «Нет я один, два кумыка моих коллеги и два аварца, мы все работаем в аэропорту Внуково».

А: «Не бывает напряжения между местными игроками и иммигрантами?»

И: Нет, не бывает, футбол — это игра, где нужны люди, иногда конечно бывает тяжело играть с мигрантами, они не умеют, толкаются, но те, кто давно ходит на это поле, правила хорошо знают» (ПМА 2025).

Данный пассаж показывает, что футбольное поле является местом коммуникации и игры мужчин и их детей. Некоторые информанты приходили играть в футбол совместно с семьей. На стадионе можно часто наблюдать картину, как отец семейства со старшими сыновьями играет в мяч, а жена с более маленькими по возрасту детьми гуляет по стадиону, иногда гуляет с коляской и говорит по телефону.

Религиозная идентичность

В процессе социальных взаимодействий, идентичность конструируется индивидом и показывает то, как человек осмысливает себя, свое место в мире в процессе сравнения себя с другими. По мнению Е. И. Филипповой, «идентичность стала тем универсальным концептом, с помощью которого принято описывать современное общество и его структуру, социальные отношения, коллективные и индивидуальные поиски смысла бытия» (Филиппова 2010: 45). Каждый человек обладает целым набором идентичностей (гражданская, религиозная, т. д.). Идентичности можно представить, как систему культурно-исторических координат. Координаты, изобретенные обществом, могут изменяться либо корректироваться в зависимости от политических и других факторов. Одной из форм социальной идентичности становится религиозная. Как считает С. Астапов, религиозная идентичность является долговременной в отличие от других идентичностей (Астапов 2016: 30).

По мнению религиоведа М. П. Мчедлова, «религиозная идентичность человека формируется в результате соотнесения себя с определенной религией и определяется значением веры и ролью религиозных институтов в его сознании и поведении. Религиозную идентичность можно рассматривать как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью» (Мчедлов 2009: 350).

Как считает М. М. Мчедлова, религиозная идентичность проявляется во внутренней и внешней религиозности. Внутренняя религиозность — это личностный религиозный опыт индивида, Вера как таковая. Внешняя религиозность проявляется в соблюдении религиозных правил, предписанных той или иной религией. Уровень вовлеченности индивида в религиозную жизнь помогает судить о степени религиозной самоидентификации. «Отмеченные показатели, характеризующие степень этой вовлеченности и ее значение для личного жизненного опыта, позволяют судить не только о глубине религиозной веры и мировоззренческой убежденности, но и о том, какое место религия и ее институционализированные формы играют в жизни людей, принадлежащих к тем или иным религиозным институтам», — отмечает автор (Мчедлова 2017: 400). Религиозная идентичность состоит из широкого спектра проявления религиозности (атеизм, неверие, индифферентность, а также религиозный фанатизм). О. Е. Казьмина пишет: «Религиозная самоидентификация часто важна не только для

верующих, но и для тех, кто себя таковыми не считает, но ассоциирует себя с определенной религиозной традицией прежде всего в силу именно культуры» (Казьмина 2009: 38). В современном обществе религиозная идентичность отвечает за общечеловеческие моральные ценности, помогает в становлении нравственных ценностей.

Религиозная идентичность является одной из разновидностей социальной идентичности. Ее следует рассматривать в качестве представления индивидом себя, как носителя определенного религиозного мировоззрения и принадлежности себя к определенной религиозной группе, а также отграничение себя от других религиозных групп или религий. Религиозная идентичность не статична, она может изменяться в течение жизни индивида, преобладать над другими социальными идентичностями, оказываться доминирующей или наоборот, отходит на второй план. Также можно сказать о рецессивной религиозной идентичности, которая никак не будет проявляться в соблюдении норм и стандартов поведения той или иной религиозной организации, но присутствовать тем или иным образом в религиозном сознании. В исследовании я ограничила круг определений дискурса и использовала совокупность таких значений как: нарратив, история, образы, метафоры, воспоминания. Данные значения в сумме предоставят возможность определить ход событий в биографии информанта.

Анализ биографических интервью моих информантов показал, что религиозная идентичность для них является долговременной, устоявшейся с самого рождения. Родившись в мусульманской семье, каждый из них прошел имянаречение (оно обычно происходит в первый месяц жизни ребенка, строго до 40 дней). Как известно, религиозная идентичность может олицетворять для индивида либо его причастность к определенной религиозной группе, либо следование вероучению и выполнение практик, предусмотренных данной группой, либо и то и другое вместе. Некоторые из моих информантов не следовали предписаниям вероучения, (подробнее рассмотрим примеры ниже) однако на мой вопрос «Кем вы себя считаете, кем себя чувствуете?» все уверенно отвечали, что они мусульмане. При проведении интервью «лицом к лицу» легко уловить настроение информанта, его эмоциональное состояние и характер разговора. Именно при этом вопросе у моих информантов улавливалось недоумение, и неловкость, они как-будто не понимали, почему я задаю такой, на их взгляд, «глупый вопрос», ведь и так очевидно, что они мусульмане.

Исследование демонстрирует что досуговые практики молодых мусульман в мегаполисе зависят от внешних факторов, таких как наличие свободного времени, внутренняя мотивация и финансовые возможности. Более того, в какой-то степени можно сказать, что занятия спортом, коллективные игры и другие досуговые мероприятия характерны для людей, чья религиозная идентичность является невыраженной. При интервью с женщинами и мужчинами разных национальностей, выяснилось, что свободное досуговые практики молодых мусульман Москвы можно условно разделить на 4 категории:

- свободное время проводится в социальных сетях и за общением с родственниками по видео связи. При этом информантки отмечали, что на общение с родственниками уходит около 2–3 часов в сутки, так же в свободное время организовывается досуг в парке вместе с семьей;
- свободное время посвящено дополнительному заработку или поиску возможностей для дополнительного заработка;
- свободное время проводится за саморазвитием, это может быть спорт, какие-то увлечения, наподобие вязания или рисования;

- свободное время посвящено религиозным практикам, обучению религиозной грамотности.

Кроме того, выяснилось, что религиозная идентичность становится более выраженной у тех информантов, кто плохо социализирован в Москве, для кого переезд в столицу РФ стал неким стрессом и триггером для запуска ностальгии по их странам происхождения.

Выводы

Настоящая работа исследует футбольное поле и детскую площадку как пространственные практики, через которые мигранты из разных этнокультурных групп конструируют досуг, устанавливают добрососедские связи, в какой-то степени снимают межэтнические напряжения. Эмпирические данные показывают неоднозначную роль детских площадок в интеграции мигрантов. С одной стороны, эти общественные пространства создают предпосылки для ежедневных межэтнических контактов. С другой стороны, в отсутствие целенаправленной модерации они чаще становятся зонами маленьких конфликтов и недовольства местных жителей поведением иммигрантов, чем зонами конструктивного взаимодействия. В исследованном микрорайоне Солнцево-парк детские площадки не выполняют интегративной функции для этнических иммигранток-мусульманок с низким уровнем владения русским языком. Отсутствие или слабое владение русским языком у родителей-иммигрантов ведет к минимальной поверхностной коммуникации с местными жителями. Более того, возрастает количество негативных стереотипов наподобие «невоспитанные дети», «агрессивное поведение» и так далее. Вследствие длительного периода невзаимодействия «местных и приезжих» происходит изоляция женщин внутри этнических групп, что еще больше замедляет изучение русского языка.

Обращение к религиозным практикам в Москве для женщин иммигранток становится психологическим ответом на одиночество, тоску по родине и социальную изоляцию. Религия начинает выполнять функцию создания нового круга общения не только по этническому признаку, но и по религиозному. Благодаря религиозному образу жизни, как отмечали некоторые информантки, у них появилась более структурированная повседневность, выстроенная вокруг религиозных практик и праздников.

Важно отметить так называемый поколенческий разрыв внутри мигрантского сообщества. Женщины старшего поколения, чья социализация прошла в СССР, демонстрируют значительно большую коммуникативную гибкость. Они легко вступают в диалог с московскими бабушками, используют общие советские нарративы и ностальгию как ресурс для установления контактов. Молодые мамы-мигрантки такой возможности лишены, но основная причина как говорилось выше это отсутствие знания русского языка.

На примере спортивной площадки были проанализированы повседневные активности, ценности и ритуалы, связь досуга с проявлением религиозной идентичности, а также с экономическими барьерами. Это позволило сделать вывод, что такие спортивные пространства функционируют как скелеты городской социальной жизни, способствующие интеграции и физической активности при ограниченном доступе к финансовым ресурсам.

Религиозная принадлежность отмечается как фактор идентичности, однако участие в спортивных практиках на поле не требует религиозной регламентации в быту. В ряде случаев участники совмещают культурные и религиозные практики вне поля, что демонстрирует гибкость религиозной идентичности в контексте повседневного досуга. Полученные данные также показывают, что пространство досуга становится площадкой для формирования доверия, взаимопомощи и взаимной адаптации. Не останавливает игра в футбол и экономическая ситуация, не имея возможности купить специальную обувь, порой в футбол играют босиком. Эти механизмы работают на уровне повседневной жизни, а не только в рамках организованных спортивных мероприятий. Более того, можно говорить о том, что данные пространства можно использовать как место интеграции иммигрантов в российское общество.

Источники и материалы

- ПМА-2024 — Полевые материалы автора, Москва, поселение Внуковское, 2024 г.
ПМА-2025 — Полевые материалы автора, Москва, поселение Внуковское, 2025 г.
РИА Новости 2021 — Муфтий Москвы рассказал, сколько мусульман проживает в столице // РИА Новости. 19.11.2021. <https://ria.ru/20211119/musulmane-1759757148.html> (дата обращения: 15.11.2025).

Научная литература

- Асадуллин Ф. Urban islam как новый этнокультурный феномен современного европейского мегаполиса: от ретроспективы к перспективному видению проблемы // *Islamology*. 2018. Т. 8. № 1. С. 43–56.
- Астапов С. Н. Конструирование религиозной идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10. С. 29–32.
- Казьмина О. Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. 302 с.
- Мчедлов М. П. (отв. ред.). Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Культурная революция, 2009. 368 с.
- Мчедлова М. М. Религиозная идентичность. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. 992 с.
- Опарин Д. А. Мусульманское пространство московского региона и миграция: фрагментация, диверсификация, интеграция // Сибирские исторические исследования. 2022. № 3. С. 111–126. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/7>
- Филиппова Е. И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформатех», 2010. 300 с.

References

- Asaduliiin, F. 2018. Urban islam kak novyj etnokul'turnyj fenomen sovremennogo evropejskogo megapolisa: ot retrospektivy k perspektivnomu videniyu problemy [Urban Islam as a New Ethnocultural Phenomenon of a Modern European Metropolis: From Retrospect to a Prospective View of the Problem]. *Islamology (Islamology)* 8(1): 43–56.
- Astapov, S. N. 2016. Konstruirovaniye religioznoj identichnosti [Constructing Religious Identity]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* 10: 29–32.
- Filippova, E. I. 2010. *Territorii identichnosti v sovremennoj Frantsii* [Territories of Identity in

- Modern France]. Moscow: FGNU «Rosinformagrotekh». 300 p.
- Kazmina, O. E. 2009. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i novaya religioznaya situatsiya v Rossii* [The Russian Orthodox Church and the New Religious Situation in Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 302 p.
- Mchedlov, M. P. (ed.). 2009. *Vera. Etnos. Natsiya. Religioznyj komponent etnicheskogo soznaniya* [Faith. Ethnicity. Nation. Religious Component of Ethnic Consciousness]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. 368 p.
- Mchedlova, M. M. 2017. Religioznaia identichnost' [Religious Identity]. In *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition], ed. by I. S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir. 992 p.
- Oparin, D. A. 2022. Musul'manskoe prostranstvo moskovskogo regiona i migratsiya: fragmentatsiya, diversifikatsiya, integratsiya [Muslim Space of the Moscow Region and Migration: Fragmentation, Diversification, Integration]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* 3: 111–126. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/7>